

УДК 008.009:39 (Цивилизация. Культура. Прогресс. Национальная идентичность
и взаимодействие культур)

ВАРИАЦИИ МИМЕСИСА В ПОЭТИЧЕСКОЙ КНИГЕ А. ШАЦКОВА «СКАЗЫ КУЛИКОВА ПОЛЯ»

© 2022 М.А. Дударева, В.В. Никитина

*Дударева Марианна Андреевна, кандидат филологических наук, доктор культурологии,
доцент кафедры русского языка № 2 Института русского языка*

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

*Никитина Влада Валерьевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка № 2 Института русского языка*

E-mail: erchenko5@rambler.ru

Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 26.07.2022

Объектом статьи выступает мимесис в искусстве. Предметом исследования являются вариации мимесиса в современной поэзии. Материалом служит новая книга стихов А. Шацкова «Сказы Куликова поля». В центре культурно-философского анализа — взаимодействие феноменального и ноуменального, рационального и дорационального в искусстве. Большое внимание уделяется проблеме соотношения мимесиса и энтелехии культуры. Под мимесисом понимается сакральное припоминание художником слова других эпох и культур. Мимесис описывается как художественная практика. Методология исследования сводится к целостному онтогерменевтическому анализу поэтической книги современного поэта, направленному на высвечивание культурного потенциала проблемы мимесиса в цифровую эпоху, что позволяет описать с культурнофилософских и онтологических позиций важность поэтического слова для русского человека, углубиться в понимание бытия художника слова. Большое внимание уделяется архитектонике поэтического сборника, трехчастной композиции, построенной по законам космического жизненного цикла человека: от детства к итогу жизни. Результаты работы могут быть интересны историкам литературы, включающим литературу в пространство большого диалога культур, а также могут быть использованы в преподавании курсов по культурологии, русской философии.

Ключевые слова: русская культура и литература, современная поэзия, мимесис, сакральный текст культуры, творчество А. Шацкова, онтологический, цифровой поворот
DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-57-62

Введение. Проблему мимесиса принято связывать с проблемой подражания в искусстве, и в античной традиции, в трудах Платона, Аристотеля, обнаруживаются полярные точки зрения на это понятие, которое философы включают в сферу эстетического (греч. *mimesis*, лат. *imitatio* — «подражание жизни в искусстве»). Как реагирует на реальные события литература и что она может дать человеку, когда есть история, строго протоколирующая основные факты происходящего? Это корневые вопросы, которые возникают при обсуждении проблемы мимесиса. Однако именно мимесис как часть, как практика художественной культуры и показывает аксиологическое и онтологическое назначение искусства, в частности литературы. Сегодня для человека цифровой эпохи эта проблема кажется особенно актуальной, поскольку посредством цифровой реальности человечество может скопировать почти все —

воссоздать виртуально деревья, море, солнце и даже добиться 3D-печати органов и тканей (последнее активно находится в проблемном поле биоэтики [6]). Однако есть вещи, которые никогда не освоит цифровая реальность — непостижимое поэзии, *анофатику* творческого процесса. Весьма показателен пример из научных экспериментов Фрица Маутнера, автора «Критики языка», решившего разобрать «Фауста» Гете по буквам, чтобы понять, как создан великий шедевр [11, с. 17], но вычислительный машинный метод не помог, и это оказалось безрезультатным.

История вопроса. Понятие мимесиса требует некоторых разъяснений, связанных с несколькими точками зрения. Возникает вопрос о мимесисе *внешнем*, идущем от «классической теории подражания, восходящей к “Поэтике” Аристотеля» [7, с. 10], и мимесисе *внутрипроизведенческом* или *межпроизведенческом*. Первый связан с

внутренней структурой текста, «произведение активно отражает в себе действия внешнего мира, но только в той степени, в какой способно их воссоздать, присвоить и развить до уровня коммуникативных стратегий» [Там же, с. 11]. Второй тип мимесиса связан с отношениями, «в которые вступают произведения между собой» [Там же], он отображает, относительно нашего литературного поэтического материала, взаимодействие двух систем — словесной и несловесной, дожанровой — авторской, имажинативной концепции событий и исторической, реальной.

Методы исследования. Авторы прибегли к целостному онтогерменевтическому анализу поэтической книги современного поэта, направленному на высвечивание культурного потенциала проблемы мимесиса в цифровую эпоху, что позволяет описать с культурфилософских и онтологических позиций важность поэтического слова для русского человека, углубиться в понимание бытия художника слова.

Результаты исследования. Новая книга А. Шацкова «Сказы Куликова поля» привлекает в аспекте заявленной темы своим заглавием. С одной стороны, сказ — тип повествования, характеризующийся подражанием фольклорной речи интонацией и стилем, с другой стороны — сказ энтелехиен по своей природе, поскольку погружает автора на имажинативном, то есть образном, уровне в другую эпоху, заставляя выразить в художественной форме движущую силу этой эпохи, что не всегда сделать просто, так как требует больших душевных сил от художника слова. Поэт-символист А. Белый этот теургический акт точно описал в своей работе «Эмблематика смысла»: «То действительно новое, что пленяет нас в символизме, есть попытка осветить глубочайшие противоречия современной культуры цветными лучами многообразных культур; мы ныне как бы переживаем все прошлое: Индия, Персия, Египет, как и Греция, как и Средневековье, — оживают, проносятся мимо нас, как проносятся мимо нас эпохи, нам более близкие» [1, с. 57–58]. Энтелехию, вслед за современным исследователем культуры Г.С. Кнабе, понимаем так: «...поглощение определенным временем содержания, характера, духа и стиля минувшей культурной эпохи на том основании, что они оказались созвучными другой позднейшей эпохе и способными удовлетворить

ее внутренние потребности и запросы» [3, с. 19]. А. Шацков энтелехийно «переживает» события Куликовской битвы, которым посвятил свою новую юбилейную книгу.

У каждого настоящего поэта есть своя мастерская, комнаты которой не всегда открыты для глаза обывателя. Но иногда поэт позволяет в них заглянуть, и этот момент нельзя упустить. Перед нами книга, в которой кипит кровь предков, чувствуется дух блистательных сражений, книга-поле, где, с одной стороны, можно затеряться, ведь поле выполняет функции пространства смерти (открытый космос потенциально опасен), а с другой стороны, сам автор — воин-полководец слова ведет нас по этому полю, показывая *неведомые* тропинки для посвященных. А. Шацков воссоздал картины Куликовской битвы, позволив заглянуть в свою мастерскую: он видел с детства пророческие сны о себе, о стихах, которых еще не было, но которые обязательно будут. Священный *бред поэзии* его будил, это то, что он сам назвал гулом крови: «Не поддаются осознанию энергии, передаваемые нам предками. Именно от них берет начало мое Куликово поле. Может быть, из ярких детских снов, в которых на огромном гнедом коне я врвался в черные, ошетиленные сталью шеренги врагов и, поднятый на копья, просыпался вновь и вновь» [10, с. 9]. Такое *профетическое* отношение к искусству и особенно к поэзии является корневым для русского человека — вспомним пророческие сны из поэмы-сказки «Руслан и Людмила», *магический кристалл* пушкинского творчества, который позволяет понять, что песня уже зреет, возникнет образ, который дан свыше, как имажинативный абсолют культуры, но поэт и сам точно еще не знает какой это образ. Интересна в этом отношении последняя строфа хрестоматийно известного стихотворения А. Фета «Я пришел к тебе с приветом...», в которой выразилась формула поэтического «незнания», ставшая важнейшим принципом творчества Фета-лирика (этому вопросу посвящена отдельная статья В. Кошелева [4]).

В первой части книги «Опять над полем Куликовым...» автор поднимает нас *над* полем, мы парим, осматриваем боевое место действия сверху. Это верхняя точка нашей пространственной локализации:

Слышишь, звёзды стучат,
словно дождь по крыльцу?
Видишь, тропы уводят до Дона от дома! [10, с. 16]

Направление задано *оттуда — сюда*, очень важна пространственная локализация в этой книге А. Шацкова, который тонко прочувствовал саму архитектуру знаменательной битвы, инспирированной свыше, благословенной святым Сергием Радонежским. Читатель должен увидеть это событие панорамно, с разных точек зрения. Образ главного героя — образ солнечного героя, духоборца, которого на ратный бой несут даже не кони, а лебеди: «Благоверного князя Димитрия // Лебединые кони летят» [10, с. 17]. Здесь представлено культурологически точное сравнение коней с лебедями, образ которых является доминантным в поэзии автора (его книга «Лебеди Тютчева»

И вздрогну, что днесь предо мной
Кочевник жестокий и хитрый.
И чувствую: Русь за спиной
И сын, окрещённый Димитрий! [10, с. 20]

Лирический герой словно путешествует во времени, ощущая события давно минувших дней. Это принято называть на языке культурологии *энтелехией культуры*: перед человеком, художником слова, возникают образы других, иногда очень далеких, эпох и культур, которые потом воплощаются в творчестве. Мы видим, что А. Шацкова по непонятным для нас внешне причинам, то есть с точки зрения рациональной, волнуют события Куликовской битвы, но так в книге откликается душа художника слова, его логос на то далекое время (и сын ведь назван Димитрием не случайно, в чем тоже проявляется мимесис — уподобление великому герою). Кожей, горлом и кровью чувствует лирический герой вражьи стрелы: «И... чёрной птицей мимо горла // Стрела промчалась на простор!» [10, с. 20]. Вторая часть сборника — следующая ступень в восхождении по *духовной лестнице* — «Чтобы память попирала смерть». Проблема памяти — *корневая* для русского человека. В этой связи актуальны известные чеховские слова из поздней повести «Степь» о том, что «русский человек любит вспоминать, но не любит жить» [9, с. 64]. С одной

Прощай сынок! Я тайну сберегу,
Не рассказав, что снилось в дебрях ночи:

пронизана солярно-орнитологической символикой [2]). В античной традиции колесница Аполлона запряжена не конями, а лебедями, и герой сказов А. Шацкова взмывает в небо, уподобляется Богу. Победу в такой страшной битве могли одержать только полубоги, и Дмитрий Донской, видимо, был в тот смертельный миг именно таким (кстати, показательны в этом отношении и космогонические иллюстрации на полях книги, где луна человеческим лицом смотрит на читателя, — это отдельное достоинство издания).

Но не только исторической темой пронизан сборник, он прошит, как красной нитью, личной темой — переживанием в образе и духе сцен Куликовской битвы:

сторону, это большая беда для человека — тонуть в мире памяти, блуждать в ее коридорах, с другой стороны — нельзя упрощать чеховское высказывание, в котором речь идет о сакральном, тайном припоминании. Память — действие миметического характера, соединяющее минувшее и настоящее, мир предков и этот мир. Мимесис — это уподобление, но не простое подражание действительности, а подобие высшего порядка, как описывал это в античной традиции Платон: «...платоновское подобие понимается как то, что соединяет видимое и невидимое» [5, с. 93]. Современный философ Н.А. Хренов в своей книге «Воля к сакральному» пишет о тесной связи художественного и мифологического сознания, что позволяет говорить о *мимесисе* как сакральном припоминании и художнике слова как человеке, приобщенном к «мировым далям», способном проникать в культурное прошлое [8, с. 5-13]. Мир прошлого, мир ушедших тревожит душу героя книги А. Шацкова, что связано и с личной утратой автора (трагически ушел из жизни сын поэта), и со скорбью за всех павших воинов, в чем проявляется *соборное начало* русской культуры:

Ковыль дымился кровью на лугу,
И синь дождя стекала павшим в очи. [10, с. 25]

Третья часть поэтического сборника открывает перед читателем мир душевных переживаний лирического героя, возвратившегося с поля Куликова обратно в наши дни:

По травам, пока не белёсым,
От утренней зябкой росы,
Бреду, по пологим откосам,
А вслед — заливаются псы. [10, с. 31]

Но душа художника так устроена, что без припоминания она не может жить, и герой А. Шацкова переносит нас с поля Куликова в рязанские земли, где храбрые витязи, среди которых и предок великого поэта Ф.И. Тютчева, готовятся отстаивать русский мир:

И верил, знал: Рязань не выдаст
И не ударит братьям в тыл.
Не может по-другому выпасть
Тому, кто сердцем не остыл. [10, с. 36]

И здесь уже мимесис принимает другую форму: лирический герой стоит плечом к плечу с Захарием Тютчевым, ощущая всю значимость миссии юноши, посланного к Мамаю:

И верил, знал: Рязань не выдаст
И не ударит братьям в тыл.
Не может по-другому выпасть
Тому, кто сердцем не остыл. [10, с. 36]

Чем же завершается книга стихов «Сказы Куликова поля»? Конечно, молитвой — о себе и сыне, о русском человеке и русском мире:

За окном — снеговой,
и тихонько теплится лампада,
Освеща в углу
позабывших святых образа.
Подойду, поклонюсь,
если бабушке этого надо,
Чтоб у ней не дрожала,
на краешке глаза слеза.

Помолюсь за прародича,
павшего возле Сморгони,
И других, что лежат
у Непрядвы, за толщею дней.
И услышу — звенят
удилами без всадников кони,
Те, что стали предтечей,
восставших из ада коней. [10, с. 44]

Семантически насыщенные строфы, отсылающие
и к бледным коням В. Брюсова («Конь блед»),

С. Есенина (поэма «Черный человек»), погружают нас в энтелехию культуры, которая эонически существует от битвы на Куликовом поле до почти интимной обстановки в комнате любимой бабушки и ребенка — самого лирического героя, предстающего перед читателем в разных ипостасях: он возвращается в мир детства, в исходную точку, сакральную ситуацию моления перед иконой. Кроме того, в этой авторской ремарке «если

бабушке этого надо» тоже проявляется одна из вариаций мимесиса: ребенок подражает в молитве взрослому, возможно, не понимая в полной мере значения этого священного действия, но ощущая значимость его на внерациональном уровне. Однако уже повзрослевший лирический герой осознает, за кого он молится и для чего:

Засыпает мой дом
и, подавшись теплу и покою
Позабуду, что снилось
в ребячьем рождественском сне...
Только время придёт
и, как инок над вязкой строкою
Я склонюсь в подступившей,
недоброй ночной тишине. [10, с. 44]

Важна кольцевая композиция книги, воспроизводящая на ритуальном уровне жизненный цикл человека: от рождения, детства — снова к детским снам и впечатлениям, а значит, к смерти. Культурологически это вполне объяснимо, поскольку дети — лиминальные существа, они связаны с миром предков, не вписаны еще в социальную жизнь, но остро ощущают трансцендентное.

Выводы. Культурологический потенциал вариаций мимесиса в литературе, особенно в современном искусстве, очевиден: человек цифровой эпохи, метафизически отрешенный, утрачивает способность к культурно-философской рефлексии произведений искусства, на что обратили внимание философы, но важно то, что сегодня цифро-

вая реальность миметически воспроизводит почти все реалии из окружающей жизни человека, от органов жизнедеятельности до стихов, и если первое еще необходимо и прогрессивно, то второе является препятствием в постижении метафизических апофатических оснований творчества и бытия в целом. В этом случае необходим разговор о проблеме мимесиса и его вариаций в искусстве, которые связаны не только с подражанием, подражанием жизни и слепым ее копированием, но и с теургическим и теогоническим актом художника. Мимесис — это сакральное припоминание, вживание в энтелехийном смысле в разные эпохи и их культуру, что доступно как творческий акт, художественная практика только творцу, поэту.

1. Белый, А. Собр. соч. Символизм. Книга статей. — М.: Культурная революция; Республика, 2010. — 532 с.
2. Дударева, М. А., Гращенков, Н. В. Энтелехия культуры в книге стихов А. Шацкова «Лебеди Тютчева» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2022. — Т. 24. — № 82. — С. 73–78.
3. Кнабе, Г. С. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. — 240 с.
4. Кошелев, В. «Песня зреет», или «Над весенней страницей Фета» // Русская словесность. — 2020. — №2. — С. 32–39.
5. Магомедова, Ю. С. Мимесис Платона в контексте различных интерпретационных стратегий // Манускрипт. — 2018. — №7 (93). — С. 90–93.
6. Мещерякова, Т. В. Биоэтика на пересечении научного и вненаучного знания // Вестник ТГПУ. — 2011. — №10 (112). — С. 216–221.
7. Подорога, В. А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. Т. 1. Н. Гоголь, Ф. Достоевский. — М.: Культурная революция, Логос, Logos-altera, 2006. — 688 с.
8. Хренов, Н. А. Воля к сакральному. — СПб.: Алетея, 2006. — 571 с.
9. Чехов, А. П. Степь // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М.: Наука, 1977. — Т. 7. — С. 13–104.
10. Шацков, А. Сказы Куликова поля. — СПб.: Любавич, 2022. — 47 с.
11. Штайнер, Р. Смысл преждевременной смерти. Случайность, необходимость и предвидение. — Ереван: Лонгин, 2013. — 192 с.

MIMESIS VARIATIONS IN A. SHATSKOV'S POETRY BOOK "KULIKOVO FIELD TALES"

© 2022 M.A. Dudareva, V.V. Nikitina

*Marianna A. Dudareva, PhD in Philology, Doctor of Culturology,
docent of the Department of Russian language no. 2
of the Institute of the Russian language*

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

*Vlada V. Nikitina, PhD in Philology,
docent of the Department of Russian language no. 2
of the Institute of the Russian language*

E-mail: erchenko5@rambler.ru

Peoples' friendship University of Russia
Moscow, Russia

The object of the article is mimesis in art. The subject of the research is variations of mimesis in modern poetry. The material for the article is a new book of poems "Kulikovo Field Tales" by A. Shatskov. The focus of cultural and philosophical analysis is the interrelation of phenomenal and noumenal, rational and pre-rational in art. Much attention is paid to the problem of relationship between mimesis and cultural entelechy. Mimesis is understood as sacral recollection of other epochs and cultures by the wordsmith. Mimesis is described as an artistic practice. The research methodology is mainly represented by the holistic ontological-hermeneutic analysis of the modern poet's book, aimed at highlighting the cultural potential of the mimesis problem in the digital epoch, which makes it possible to describe the importance of the poetic word for a Russian from the cultural-philosophical and ontological position, to deepen the comprehension of spiritual life of the literary artist. Much attention is given to the architectonics of the book of poetry, to the three-part composition designed according to the laws of man's cosmic life cycle: from childhood to the epitome of life. The work results may be of interest to literary historians who include literature in the space of a broad dialogue of cultures; the book can also be useful in courses on cultural studies and Russian philosophy.

Key words: Russian culture and literature, modern poetry, mimesis, sacred text of culture, A. Shatskov's creative work, ontological, digital turn

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-57-62

1. Belyj, A. *Sobr. soch. Simvolizm. Kniga statej (Symbolism. Book of articles)*. — M.: Kul'turnaja re-voljucija; Respublika, 2010. — 532 s.
2. Dudareva, M. A., Grashhenkov, N. V. Jentelehija kul'tury v knige stihov A. Shackova «Lebedi Tjutcheva» (Entelechy of culture in the book of poems by A. Shatskov "Tyutchev's Swans") // *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. — 2022. — T. 24. — № 82. — S. 73–78.
3. Knabe, G. S. *Russkaja antichnost': Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo nasledija v kul'ture Rossii (Russian antiquity: The content, role and fate of the ancient heritage in the culture of Russia)*. — M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2000. — 240 s.
4. Koshelev, V. «Pesnja zreet», ili «Nad vesennej straniceju Feta» ("The song is ripening", or "Above the spring page of Fet") // *Rus-skaja slovesnost'*. — 2020. — № 2. — S. 32–39.
5. Magomedova, Ju. S. Mimesis Platona v kontekste razlichnyh interpretacionnyh strategij (Plato's mimesis in the context of various interpretive strategies) // *Manuskript*. — 2018. — № 7 (93). — S. 90–93.
6. Meshherjakova, T. V. Biojetika na peresechenii nauchnogo i vnauchnogo znanija (Bioethics at the intersection of scientific and non-scientific knowledge) // *Vestnik TGPU*. — 2011. — № 10 (112). — S. 216–221.
7. Podoroga, V. A. Mimesis. Materialy po analiticheskoj antropologii literatury. T. 1. N. Gogol', F. Dostoevskij (Mimesis. Materials on the analytical anthropology of literature. T. 1. N. Gogol', F. Dostoevsky). — M.: Kul'turnaja revo-ljucija, Logos, Logos-altera, 2006. — 688 s.
8. Hrenov, N. A. *Volja k sakral'nomu (Will to the sacred)*. — SPb.: Aletejja, 2006. — 571 s.
9. Chehov, A. P. Step' (Steppe) // *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. So-chinenija: v 18 t. / AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo*. — M.: Nauka, 1977. — T. 7. — S. 13–104.
10. Shackov, A. *Skazy Kulikova polja (Tales of the Kulikovo field)*. — SPb.: Ljubavich, 2022. — 47 s.
11. Shtajner, R. *Smysl prezhdvremennoj smerti. Sluchajnost', neobhodimost' i predvidenie (The meaning of premature death. Chance, necessity and foresight)*. — Erevan: Longin, 2013. — 192 s.